

Русская военная миссия в Иране (1879 – 1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России

Процессы и события, происходившие в конце XIX века, во многом определили международные отношения всего XX века. Эта тенденция во многом продолжается и в настоящее время, особенно на Востоке, геополитическое и экономическое значение которого всегда было велико. Обстановка в данном регионе характеризовалась и во многом характеризуется до сих пор противостоянием ведущих мировых держав. Не вызывает сомнения тот факт, что в современном мире взаимоотношения России со многими странами Востока, в том числе с Ираном (до 1935 г. – Персия) дружественные, несмотря на достаточно противоречивое отношение к последнему со стороны международного сообщества.

На протяжении всего XIX века, и особенно в последней его четверти, русско-английское столкновение в Иране обострилось, противоречия обеих держав достигли своего апогея по причине того, что Россия вступила «в противоречие с константами английской мировой стратегии»¹. Очевидно, что Великобритания традиционно являлась геополитическим противником России. Столкнувшись с более развитыми, сильными государствами, Иран не в состоянии был оказать действенного сопротивления ни в военной, ни в политической, ни в экономической сферах. Патриархально-монархический режим Ирана не только не смог противостоять, но прямо или косвенно содействовал проникновению более развитых держав в страну. Спектр методов и средств, применяемых обеими державами, был достаточно разнообразным. В 1879 г. Россия направила в Персию русскую военную миссию, перед которой стояла задача сформировать по образцу Терских казачьих частей Персидскую казачью бригаду.

Русское правительство придало вопросу направления в Иран военных инструкторов большое значение, в виду того, что они, будучи агентами, обязаны были доставлять сведения по административным и политическим вопросам, заслуживающим особенного внимания, а также о персидской армии². Инструкция

указывала, что сведения необходимо было собирать достаточно осмотрительно и тщательно избегать всего, что могло бы навлечь малейшие подозрения на русских военных. Миссию возглавил подполковник Генерального штаба Алексей Домантович, прослуживший 12 лет в казачьей кавалерии и хорошо знакомый с ее структурой, описавший впоследствии свое путешествие по Персии в ряде статей, напечатанных в историческом журнале «Русская старина»³.

Как свидетельствуют архивные материалы, Домантович фактически за один месяц сумел обучить кавалерию мохаджеров. Как известно, мохаджеры – потомки известных мусульманских родов, переселившиеся с Кавказа во время русско-персидских войн. Они имели значительные привилегии по сравнению с другими народностями Ирана. Мохаджеры имели репутацию беспокойного, в корне испорченного бездеятельностью войска. Все, не исключая самого шаха, были убеждены в полнейшей их негодности к службе. Однако мохаджеры были поставлены в такие условия подчиненности, что в течение последующих 14-и месяцев они удивляли всех своей дисциплиной и отличным отбыванием службы. Выучкой и внешним видом полка Насер-эд-Дин-шах остался настолько доволен, что сразу же приказал увеличить состав полка до шестисот человек, то есть фактически создать два полка⁴. Второй полк был укомплектован добровольцами, чем была заложена основа казачьей конной бригады. Казаки поступали на службу из определенных местностей и племен Персии. Более половины казаков вербовались из числа горцев, чаще курдов-кочевников; остальные набирались из жителей провинций. Встречались также афганцы и туркмены. Вследствие такой разноплеменности, в бригаде смешались практически все наречия Персии.

Согласно заключенному с персидским правительством контрактом, русскому офицеру – командиру бригады предоставлялись большие права. Изначально он был подотчетен только иранскому военному министру. Огромную роль в становлении бригады сыграло то, что Домантович сумел взять в свои руки контроль над финансовой стороной дела, тем самым была исключена возможность хищения денежных средств со стороны внешних военных лиц бригады, сама же бригада была обеспечена твердым жалованием. Это, конечно, можно было считать большим достижением русской военной миссии, поскольку финансирование традиционно было самым неупорядоченным звеном персидской армии. Исправная трехлетняя служба мохаджеров и волонтеров, под непосредственным руководством полковника А. Домантовича, вполне доказала

свою прочность и целесообразность существования не только перед Россией, но и перед персидским руководством.

Таким образом, благодаря профессионализму и компетентности русского офицера Алексея Домантовича, доказывая правильность и применимость к местным жителям приложенной организации, была заложена основа Персидской казачьей бригады. Несмотря на положительные результаты деятельности Домантовича, русское командование не сочло возможным дальнейшее пребывание полковника ввиду того, что появилась реальная опасность «создать значительную военную силу в Персии»⁵. Следующим инструктором Персидской казачьей бригады был назначен полковник Петр Чарковский, который продолжил дальнейшее обучение бригады. Из годных к строевой службе мохаджеров в 1883 г. Чарковский сформировал третий полк, а из лиц старшего возраста – эскадрон ветеранов, т.н. «Кадама». С целью увеличения состава бригады Чарковский зачислил в нее женщин и детей, которые отныне должны были получать жалование из бюджета бригады. К этому времени общая численность бригады, включая женщин и детей, достигла 900 человек. Кроме эскадрона «Кадама», Чарковский добавил к бригаде один гвардейский эскадрон и отряд музыкантов. Ввиду того, что в иранской армии не существовала собственно регулярная артиллерия, солдаты не имели элементарного представления о ее назначении и практическом использовании. За исправление этого недостатка взялся Чарковский, который составил для солдат артбатарей бригады «Руководство по обучению казачьей конной артиллерии», которое перевели и отпечатали в Тегеране в 1885 г.

В стремлении к максимальному уподоблению иранским казакам предписывалось носить форму кавказских казаков. Вооружение казаков состояло из кавказского кинжала и сабли, а также винтовки системы Бердана. Персидская казачья бригада, изначально подчиняясь иранскому военному министру, занимала в иранских вооруженных силах особое положение и уже к этому времени представляла собой хорошо организованную воинскую часть. В распоряжении бригады находились казармы, конюшни, кладовые для фуража. Здесь же были небольшие мастерские, цейхгаузы, кузница и лазарет. Все это располагалось в центральной части Тегерана. Перед казармой находился огромный тренировочный плац – мейдан-е машк. Офицеры бригады, в том числе и командир бригады, жили в домах, расположенных напротив казарм⁶.

Структура бригады выглядела следующим образом: во главе бригады стоял полковник русского Генерального штаба, который официально назывался «Заведующим обучением персидской кавалерии»; русские офицеры и урядники считались его помощниками – наибами. Во главе каждого полка стоял иранский генерал в звании сертипа (генерал-майора), который, однако, обычно находился в подчинении у младшего по званию русского офицера-инструктора. Эти русские офицеры и были фактическими командирами полков. В каждом полку в распоряжении русского офицера находилось по одному уряднику, с чьей помощью офицер обучал полк. Полк или фоудж делился на 4 эскадрона (сотни), которыми командовали иранские штабс-офицеры. Со своей стороны, эскадрон делился на 4 дасте (взвода).

Персидскую казачью бригаду обучали по сокращенным русским военным уставам, но, тем не менее, впервые в истории иранской регулярной армии процесс обучения был организован следующим образом: сначала обучали каждого казака в отдельности, затем проводили эскадронное, полковое и общебригадное учения, что давало возможность равномерного обучения всех частей бригады. Несмотря на активную деятельность полковника Чарковского, финансовое положение бригады значительно ухудшилось, появились долги, в том числе и перед русскими офицерами. В июне 1885 г. истек срок службы полковника Чарковского. Сразу же после его отъезда Насер-эд-Дин шах еще раз попытался пригласить в бригаду А. Домантовича, но безрезультатно.

В начале 1885 г. командиром бригады был назначен полковник Генштаба Кузьмин-Караваев⁷. Новому командиру из-за большого денежного долга бригады основное внимание пришлось уделить финансовому вопросу. Полковник Кузьмин-Караваев с помощью экономии денежных средств смог достичь желаемого – уплатил все задолженности бригады, но вместо того, чтобы подумать о дальнейшем развитии и расширении бригады, боясь новых долгов, сократил состав бригады. По сообщению Мисль-Рустема, в указанное время в бригаде, согласно официальным данным, хотя и числилось 800 человек, но в действительности ее состав едва достигал 200-300 человек, так как с целью экономии денежных средств командир бригады часто прибегал к распространенной в то время в иранской армии практике предоставления отпусков большей части рядового состава⁸. Исходя из сведений архивных материалов, мы можем сделать вывод о том, что полковник Кузьмин-Караваев пользы бригаде не принес. Командующим войсками Кавказского военного округа

было дано распоряжение об отзывании из бригады полковника и о назначении на его место полковника Генштаба Шнеура, как «знавшего иностранные языки и как бывшего военного агента в Китае, а, следовательно, имевшим требуемый опыт для исполнения обязанностей начальника бригады и военного агента». В результате деятельности Шнеура на бригаду обрушился новый финансовый кризис. Шнеур надеялся, что получит дотацию от иранского правительства, но оно ограничивалось обещаниями. Причинами финансовых затруднений, по мнению командира бригады, были эпидемия холеры и неурожай. Шнеур не отступал от традиционного способа большую часть рядового состава бригады постоянно держать в отпуске, иначе говоря, он фактически вдвойне сократил реальную численность бригады. Очередной инструктор казачьей бригады не оправдал возложенного на него доверия Кавказского начальства и к моменту его отзыва в мае 1893 г. в бригаде оставалось всего 300 человек, в том числе 170 всадников⁹. Остатки бригады были переданы ротмистру Бельгарду, о назначении которого ходатайствовал генерал-адъютант Шереметьев. Будучи кавалеристом драгунского полка, ротмистр основное внимание уделял внешней стороне дела. Для него было важно, чтобы казаки хорошо овладели церемониальным маршем, искусством преодоления препятствий и рубкой. В связи с этим существенно снизился уровень боевой подготовки личного состава.

В то время, когда Персидская казачья бригада стояла перед реальной опасностью расформирования, 7 марта 1894 г. командиром был назначен полковник Владимир Косоговский. Четко осознавая пошатнувшееся положение бригады, Кавказское начальство, как нам представляется, тщательно подошло к выбору кандидата на должность инструктора – главы русской военной миссии. Ведь положение, статус и влияние бригады – это влияние России, прежде всего, на персидского шаха. Офицеры Генштаба готовились к столь ответственной должности путем изучения языка, самой страны, ее вооруженных сил и др. Полковник В. Косоговский отвечал предъявляемым требованиям, прекрасно владел не только персидским языком, но и диалектами, основательно ознакомившись с Персией не только по имевшимся описаниям, но и во время неоднократных инспекционных поездок в страну¹⁰.

Положение бригады было настолько безнадежным, что Насер-эд-Дин шах даже потерял всякий интерес к ней, а военный министр Наиб-ос-Салтане, как ярый противник бригады (под влиянием англичан), предлагал шаху вообще упразднить бригаду, а вместо нее создать шахский конвой из 165 казаков. Но шах,

опасаясь недовольствия со стороны России, не дал своего согласия. В это время дипломатический представитель Германии, уверенный в неизбежной ликвидации бригады, уже вел переговоры с иранским правительством о замене русских инструкторов бригады немецкими. В такой обстановке, когда решалась судьба бригады, полковник Косоговский проявил себя способным и энергичным командиром. В самое короткое время он, можно сказать, «воскресил» бригаду – срочно вызвал находящихся в отпусках казаков и приступил к пополнению состава. После неустанной трехмесячной работы полковник Косоговский поставил бригаду на ноги. 2 сентября 1894 г. проведенный в присутствии шаха смотр бригады превзошел все ожидания – под командой Косоговского находилось 500 экипированных и обученных конных казаков. Внимание Косоговского привлекло чрезмерное число офицерских чинов в бригаде. Для приостановки, «столь свойственного персидскому обществу ненужного роста офицерского состава, а также для искоренения уже внедрившейся в бригаде вредной практики получения офицерского звания по наследству, по протекции или же с помощью взятки», по приказу командира бригады, сыновья мохаджеров и немохаджеров, желавшие получить офицерское звание, отныне должны были начать военную службу непременно с унтер-офицерского звания. Этим Косоговский, во-первых, противопоставил мохаджерам добровольцев и в лице последних создал себе прочную основу внутри бригады, а, во-вторых, упорядочил дело обучения офицерских кадров.

Отмена привилегий настолько затронула интересы мохаджеров и их самолюбие, что они открыто стали выражать свое недовольство. 5 мая 1895 г. мохаджеры покинули бригаду и забрали наследственные пенсии (на сумму 20 тыс. туманов). В результате этого бунта над бригадой нависла серьезная опасность банкротства. Военный министр Ирана, являвшийся «рукой» Англии, воспользовался фактически распадом бригады – 9 мая из дезертировавших солдат бригады он организовал т.н. «Персидскую бригаду» и во главе ее поставил бывшего мирпанджа (генерал-лейтенанта) бригады Али-хана. Вместе с тем военный министр начал переговоры с английским военным агентом по вопросу приглашения в бригаду английских военных инструкторов. Возникла реальная угроза перехода бригады в руки англичан. В истории бригады наступил один из самых критических моментов. Фактически, решался вопрос ее существования. Ситуация осложнялась действиями военного министра Наиб-ос-Салтане, который не собирался возобновлять контракта с русским правительством, намереваясь

вырвать бригаду из рук русских инструкторов, как только истечет срок службы полковника Косоговского. В этот критический момент, когда англичане прилагали все усилия для захвата бригады, русское посольство обратилось к шаху с настоятельной просьбой покончить с ненормальным положением в бригаде. 24 мая 1895 г. по приказу шаха была упразднена «Персидская бригада».

Кризис убедил Косоговского в шаткости положения бригады. Он понимал, что бригада находится под постоянной угрозой, и ее могут передать английским инструкторам. Дабы предотвратить возможность повторения подобных инцидентов, Косоговский счел необходимым увеличить права командира и вместе с тем установить строгий контроль над бригадой. С этой целью 24 мая 1895 г. полковник Косоговский разработал специальное «Положение» и представил его на рассмотрение шаха. Согласно одной из статей «Положения», иранское правительство брало на себя обязательство приглашать в бригаду только русских инструкторов, независимо от того, устраивала или нет иранских властей личность командира. Шах без поправок принял все статьи «Положения», которое сыграло решающую роль в укреплении статуса русских инструкторов в бригаде. Принятие этого «Положения» шахским правительством отняло у англичан, и не только у них, надежду на господство в бригаде. Вместе с тем, оно увеличило права командира бригады, что объективно способствовало превращению Персидской казачьей бригады в действенное орудие России, чего так опасались англичане.

Особенно возрос потенциал бригады и авторитет ее командира во время правления Мозаффар-эд-Дин шаха (1896 – 1907 гг.). Бригада стояла на страже трона Каджаров, осуществляя охрану порядка в Тегеране, когда панисламист Реза Кермани смертельно ранил Насер-эд-Дин шаха. В период межцарствия полновластным хозяином столицы был инструктор русской военной миссии. Новый шах не забыл услугу командира бригады, оставив в силе «Положение» от 24 мая 1895 г. Шах предоставил командиру бригады полную свободу действий в обучении, внутренних распорядках, увольнении, поощрении офицеров и т.д. Учитывая, что никто не имел права вмешиваться в дела бригады, это, как нам представляется, еще более усиливало ее значение как политического орудия России. Позже, в сентябре 1896 г. дестихатом (собственноручным письмом) шах еще больше укрепил власть русского полковника в бригаде¹¹. Под командованием В. Косоговского Персидская казачья бригада превратилась в самую организованную военную силу в Иране за всю историю существования регулярной армии.

Необычайно возросшее влияние Косоговского при шахском дворе позволяло ему участвовать во внутривосточной жизни страны. Симпатии страны, духовенства и шахской власти были на стороне казаков, твердо поддерживавших порядок, и 1 марта 1899 г. шах отдал распоряжение Косоговскому увеличить численность бригады на тысячу человек, что было исполнено в кратчайший срок. 31 августа 1899 г. командир бригады представил на смотр шаху 1500 строевых казаков.

Не забывая функции военного агента, Косоговский часто командировал отдельные части бригады в различные провинции Ирана, в том числе и в пограничные с Россией Турцию и Афганистан. Следует заметить, что в командировках не только русские инструкторы и урядники, но и персидские офицеры собирали материал военного характера для своего командира.

Огромную роль в укреплении позиции бригады сыграл русский заем 1900 г. Так, по мере ухудшения финансового положения Ирана, возрастали долговые обязательства шахского правительства, которое постепенно начало прекращать выплаты пенсий, жалования чиновникам и армии. Несмотря на это, войсковая часть, вверенная русским инструкторам, получала причитающееся ей жалование¹². Как известно, шахское правительство в качестве гарантии передало России весь доход с таможен северного Ирана. Значительная часть таможенных поступлений стала гарантированным источником содержания казачьей бригады. Поскольку этот доход перечислялся непосредственно в «Русский учетно-ссудный банк», то состав бригады получал жалование из этого банка, то есть из русского финансового учреждения.

Как нам представляется, укрепляя свою военную опору, правящие круги Ирана упустили из виду, с одной стороны, финансовые тяготы по содержанию вновь созданных частей, а с другой – неизбежность дальнейшего усиления давления на Иран со стороны России. Поэтому на положении создавшихся регулярных казачьих частей сказывалась обстановка, складывавшаяся на международной арене, в Иране и России. Архивные документы убедительно показывают, что иранская верхушка пыталась использовать «проблему казаков» для нажима на Россию в целях получения у нее тех или иных уступок. Россия же, увеличивавшая их боеспособность, намерена была использовать их в качестве орудия в борьбе как против иностранного влияния в Иране, так и против несговорчивости иранских правителей.

Со строевой и дисциплинарной точки зрения, бригада представлялась вполне европейской частью. Организация, деятельность и налаженная инфраструктура бригады также были поставлены на качественно высокий уровень, затрагивавший все сферы жизни казаков, как рядовых чинов, так и офицеров.

Восхождение бригады было остановлено при преемнике В. Косооговского – новом командире бригады полковнике Чернозубове, который возглавил бригаду в 1903 г. Четырехлетнее пребывание Чернозубова во главе бригады имело результатом лишь падение его собственного авторитета и дальнейшее расстройство хозяйственных дел, вверенной ему части, которая предназначалась служить образцом для всей персидской армии.

Такое положение дел поставило перед необходимостью Русское Военное ведомство отозвать полковника Чернозубова и командировать на его место полковника Ляхова, который прибыл в Тегеран в конце августа 1906 г. Ляхов имел предписание обратить самое серьезное внимание на необходимость скорейшего улучшения неудовлетворительного состояния бригады.

Начало революционного движения 1905 – 1911 гг. в Иране вынудило руководящие круги России искать средства его подавления. В такой обстановке усиление Персидской казачьей бригады прямо отвечало и интересам династии Каджаров. Положение и значение Персидской казачьей бригады, а, следовательно, и деятельность русской военной миссии неоднократно обсуждалось в Петербурге на «Особых совещаниях по персидским делам». На состоявшемся 12 августа 1905 г. очередном Особом совещании главное внимание было уделено аспектам будущих русско-иранских отношений: «... нам желательно усилить несколько персидские войска русскими кадрами, т.е. расширить казачью бригаду, и дать совет Персии усилиться этим путем на северо-восточном фронте».

Сохранение при опоре на русские войска и казачью бригаду под командованием полковника Ляхова у власти кадjarских шахов и правительств, обязанных своим существованием русскому царю, а также подавление конституционного и демократического движения в Иране, было одной из стратегических задач внешней политики российского самодержавия.

Во время революционных событий летом 1908 г. Тегеран был объявлен на военном положении, и генерал-губернатором столицы был назначен Ляхов. По замечанию Н.П. Мамонтова «при шахе остались только два верных ему человека

– оба русские подданные, Сергей Маркович Шапшал (воспитатель валиагда – наследника шахского престола) и командир казачьей его величества шаха бригады – полковник Ляхов»¹³. 23 июня 1908 г. казачья бригада атаковала междис и мечеть Сипах-Лазар. Победа казачьими войсками была одержана благодаря действию артиллерии, которая «непрерывно обстреливала гранатами и шрапнелью здание междиса».

В 1909 г. произошла смена заведующего обучением казаков. Командиром бригады стал полковник Генерального штаба князь Н.П. Вадбольский¹⁴, который продолжил дело казачьей бригады в русле своего предшественника.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что казачья бригада являлась эффективным средством достижения двух четко определенных целей России в отношении Ирана, а именно экономической и военно-стратегической. С экономической точки зрения, Россия преследовала цель военным путем при опоре на казачью бригаду и русские регулярные войска и Иране сохранить контроль над северными территориями страны, обеспечить незыблемость выгодных для нее экономических и торговых концессий, полученных от шахского правительства (а также возможности получения новых концессий). Не допустить посягательств на российские торгово-экономические интересы в Иране со стороны Англии или какой-либо другой державы¹⁵.

Важной военно-стратегической задачей русской внешней политики в Персии, которая хотя никогда не афишировалась, но, тем не менее, хорошо понималась европейскими державами, и в первую очередь Англией, поскольку она затрагивала британские интересы, было обеспечение выхода России к Персидскому заливу и Индийскому океану¹⁶. Эта задача предполагала максимальное ослабление позиций Англии в Иране с перспективой полного ее вытеснения¹⁷. По выражению Макиндера, «Русское господство в Сердцевинной земле... продвигалось к воротам Индии мобильной силой ее казацкой конницы»¹⁸. Безусловно, это настораживало англичан.

Пришедшее к власти в России Временное правительство во многих вопросах внешней и внутренней политики продолжало линию своего предшественника. На тех же позициях оно стояло и в связи с казачьей бригадой. Временное правительство не было намерено ограничивать права этой бригады. Оно оставило русскую военную миссию в том же составе, функции Персидской бригады как проводника политики России сохранялись.

После Октябрьской революции 1917 г. русская военная миссия уже не могла оставаться в Иране. Она была отозвана, а бригада расформирована. В 1918 г., по соглашению командующего в то время бригадой полковника Старосельского с персидским правительством и английским посланником Марлингом, британское правительство брало на себя все расходы на содержание бригады. Состав бригады в 1920 г. составлял примерно 9 тысяч казаков, включая 50 русских офицеров и 20 урядников¹⁹. Одновременно англичане настояли на удалении русского инструкторского состава, на место которого были назначены английские офицеры. Так, детище России, на которое были потрачены огромные усилия и средства, бесславно закончило свое существование. Но недооценивать ее значение, как для России, так и для Ирана нельзя. Бригада за время своего существования под руководством русских инструкторов, из обыкновенной и лишь лучше обученной части персидской армии, постепенно, силой событий и преднамеренными стараниями некоторых из заведующих ее обучением русских полковников, превратилась в личное войско шаха. Заведующий обучением бригады русский полковник из обыкновенного, в сущности, офицера-инструктора превратился в полномочного начальника и командира этого войска.

Таким образом, результатом деятельности русской военной миссии в Иране явилась подготовка казачьей бригады, которая за время своего существования являлась инструментом влияния России и единственной опорой шахской власти. Бригада пользовалась особыми привилегиями шаха и занимала выдающееся положение во внутренней жизни Ирана.

Значение современной России как огромной континентальной державы продолжает сохраняться. В определении нынешних тенденций внешней политики нашего государства мы должны учитывать предшествующий успешный опыт, который позволял России достигать положительных результатов, используя различные инструменты и механизмы. Вклад и деятельность русской военной миссии в дело продвижения политики и влияния России в Иране в 1879-1917 гг. несомненно, заслуживает самой высокой оценки.

---

¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: «Международные отношения», 2005. С. 173.

² РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 10.

³ Домантович А. Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. № 2 – 4.

⁴ АВПРИ. Ф. 194. Оп.528/а. Д.1060. Л.50.

⁵ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. М.,1923. № 4. С. 392.

-
- ⁶ Ржевусский А. Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск, 1911. С. 23.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488/1. Д. 4518, 4525.
- ⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-эд-Дин шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах. СПб., 1897. С. 146.
- ⁹ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. М., 1923. №4. С. 393.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 7.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 48. Л. 61.
- ¹² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488/1. Д. 3812. Л. 275.
- ¹³ Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии, СПб., 1909. С. 58.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488/1. Д. 3832. Л. 225.
- ¹⁵ Тер-Гукасов Г.И. Экономические интересы в Персии. СПб., 1915.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488/1. Д. 3812. Л. 256.
- ¹⁷ Игнатъев А.И. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908 – 1914). М., 1962.
- ¹⁸ Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. A Study... Wash. Dc., 1996. P. 96.
- ¹⁹ Розенблюм И.Р. Персидская армия. С кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии XIX в. Тегеран, 1922. С. 11.